

дой культуры возбуждали любопытство и суевѣрный страх. Побережные жители Новой Гвинеи боятся аборигеновъ, живущихъ внутри страны, ихъ считаютъ волхвами, обладающимъ демонической силой; таково отношеніе малайца къ аборигену Jakup'u: онъ колдунъ, властенъ надъ природой, посылаетъ долю укротитель звѣрей и врачъ¹⁾. Смѣна культуры каменнаго вѣка металлической должна была вызвать такія суевѣрія относительно представителей послѣдней. Въ вогульской охотничьей пѣснѣ могоущій, священный звѣрь лѣса, медвѣдь, говорить съ содрогаемъ о металлическихъ оружіяхъ въ рукахъ человѣка, о топорѣ шириною въ бычачью лопатку, о колчанѣ съ темно-желѣзными стрѣлами, копѣ и желѣзномъ ножѣ. Кузнецъ представлялся чудеснымъ искусникомъ, знахаремъ, вѣщунномъ, которому открыты и тайна врачеванія. Идейскіе дактилы — ковачи и γοήτης, какъ у якутовъ кузнечное ремесло соединяется съ шаманствомъ²⁾ какъ въ русскомъ повѣрьи Кузьма и Демьянъ врачи и кузнецы. Св. Патрикъ говоритъ о друидахъ и ковачахъ, какъ заклинателей; тоже соединеніе понятій встрѣчается и у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ; черезъ заговоръ и заговорную обрядовую пѣсню оно захватывало и профессію пѣвца. Такимъ кудесникомъ старались овладѣть, чтобы воспользоваться его искусствомъ и знаніемъ; его держать въ неволѣ, какъ Миносъ Дедала, Нидудъ Веланда; Веланда калѣчатъ, чтобы онъ не убѣжалъ; не оттого-ли хромъ Гефестъ? Онъ κολλοποδίων, ἀμφογούης; о немъ рассказывали, что захромалъ онъ, когда его сбросили съ Олимпа. И Дедалъ и Веландъ спасаются на самодѣльныхъ крыльяхъ, но впередъ отомстивъ. Къ типическимъ чертамъ мести, повторяющимся въ народныхъ сказкахъ, принадлежитъ изнасилованіе: такъ Веландъ насилуетъ дочь Нидуда, Бѣдвильду; Голландъ подозреваетъ, что критская рабыня Naukrate, отъ которой Дедалъ при-

1) Morian Roalf Cox, An introduction to Folk-lore, стр. 15 слѣд.

2) Sieroszewski, Du chamanisme d'après les croyances des yakoutes, Rev. de l'hist. des religions t. XLVI, стр. 319—20.